

СОДЕРЖАНИЕ

Пролог *11*

ЧАСТЬ I. ИЗГИБЫ И АРАБЕСКИ

Истоки *19*

Балканы *28*

Молниеносный *38*

Осада *45*

Центр *59*

Дворец *65*

Война *80*

Сулейман Великолепный *93*

Порядок *105*

Города *125*

Море *136*

Ритмы *145*

ЧАСТЬ II. ТУРЕЦКОЕ ВРЕМЯ

Турецкое время *163*

Тупик *173*

Клетка *179*

Спираль *188*

Империя *200*

ЧАСТЬ III. ЗАПАСЫ

Запасы 223

Кёпрулю и Вена 234

Австрия и Россия 250

Аяны 258

Иллюзия 269

На границах 282

Счастливое событие 301

Банкрот 314

Эпилог 334

Султаны Османской империи 338

Хронология 340

Глоссарий 344

Библиография 346

Благодарности 350

Эти песни не всякому придутся по вкусу, ибо они похожи одна на другую и во всех слышны одни и те же слова: герой, витязь, всадник, галерный раб, змей, дракон, волк, лев, орел, сокол и гнездо сокола; поется в них о мечях, саблях и копьях, о Кралевице, Кобиличе и Ждриновиче, о медальонах и ожерельях, о приказах, об отрубленных головах да об угнанных в рабство пленниках. Пусть же те, чьему слуху эти песни приятны, поют их, прочим же лучше отправиться спать.

*Андрия Качич-Миошич.
Приятная беседа народа славянского
Венеция, 1756*

Пролог

Рядом с мечетью султана Баязида, что в Стамбуле, неподалеку от стен Капалычарши — Крытого рынка, стоит полуразрушенная византийская церковь. Под ее сводчатой крышей нашла приют небольшая кофейня. Укрепленные на стенах лампы освещают посетителей тусклым светом, а в открытую дверь виден огромный кипарис во дворе мечети, порфиновые колонны, а за ними, если приглядеться, вход туда, где правоверные, молясь, преклоняют колени.

В углу кофейни устроился маленький оркестр: флейта, алыт, два барабана и треугольник; в другом углу натянута простыня, за которой горит фонарь. Перед простыней расставлены кресла, в которых восседают пожилые паши — кто в мундире, кто в длинном сюртуке-стамбулине и феске, и на коленях у каждого по несколько внуков. Позади пашей сидят важного вида старики в тюрбанах с трубками в руках, кучка гречанок и армянок, закутанных в бесформенные черные покрывала, и парочка сторающих от любопытства европейцев в твидовых костюмах, которых доставило в Стамбул агентство Кука.

Еще немного, и на белое пространство простыни выскочат Карагёз и Хадживат — герои театра теней, османские Пьеро и Арлекин: фигурки на шарнирах, вырезанные из высушенной верблюжьей шкуры, раскрашенной и промасленной до полупрозрачности. Говорят, горбун-сквернослов Карагёз и его простодушный приятель Хадживат впервые вышли на сцену в 1296 году. Дело было в Бурсе, на строитель-

Пролог

стве Большой мечети султана Баязида; представления оказались столь увлекательными, что работы чуть ли не полностью остановились, так что султану пришлось приговорить охальников к смерти. Другие утверждают, что Карагёз и Хадживат от веку жили в Константинополе (он же Стамбул) — даже во дни римских императоров. Есть мнение, что они — отголосок древней мудрости, дошедшей до наших дней в искаженном виде.

В нашей полуразрушенной кофейне ими управляет армянин — мим, комедиант и искусный кукловод. Его профессия стара; где только он не побывал! В Венгрии от его шуточек хохотали целые гарнизоны, в Египте им улыбался могущественный паша; он возил своих кукол,

Мечеть Баязида XII

Пролог

лампу и маленький экран в Ирак и Крым, доезжал с армейским обозом до предместий Вены, а на корабле османского флота доплывал до Алжира. Европейцам в твидовых костюмах говорили, что порой он непристойно передразнивает иностранцев, говорящих по-турецки. Стонет флейта, взвизгивает алыг, армянки хихикают, детям не сидится на месте, и юноши-черкесы в одежде славных былых дней, то есть в жилетах и мешковатых штанах, с бритыми головами, обмотанными отрезами крашеного полотна, разносят чашки с кофе, запасы которого, по всей видимости, неисчерпаемы.

Это книга о народе, которого больше нет. Слово «османский» не относится ни к одной точке на карте. Никто не говорит на османском языке. Османскую поэзию понимают — да и то едва-едва — несколько профессоров. «У нас нет классики», — бросил в 1964 году один турецкий поэт на симпозиуме в Софии, когда его попросили познакомить собратьев по перу с каким-нибудь примером классической османской поэзии.

Османская империя разрасталась и затем клонилась к упадку шесть столетий. Из затерянного в холмах Анатолии бейлика, о котором в начале XIV века мало кто в мире слышал, она превратилась в государство, поглотившее остатки Византии и захватившее земли ее наследников: весь Балканский полуостров от Адриатического моря до Черного, Грецию, Сербию и Болгарию, а также Валахию и Молдавию к северу от Дуная. Была покорена Анатолия. В XV веке признанием крымскими татарами зависимости от империи и взятием Константинополя (1453) завершилось установление полного господства над Черным морем. В 1517 году османы завладели исконными землями ислама — Сирией, Египтом и Аравией вместе со священными городами Меккой и Мединой. Османская империя протянулась от Дуная до Нила, взяв под контроль торговые пути, соединявшие Ближний Восток и Европу.

В те годы это была империя исламская, воинственная, передовая и веротерпимая. Для тех, кто жил за пределами ее границ, в землях, именуемых в исламской традиции Дар-уль-харб, «Дом войны», она была источником непокоя и страха. Однако для народов, вошедших в ее подданство, Османская империя превращалась в Дар-уль-ислам, «Дом мира»; и настолько исполненным энергии и боевого духа было это государство, столь хорошо оно управлялось и столь удивительным воплощением человеческого гения представлялось современникам,

Пролог

что тем казалось, будто своим процветанием оно обязано силам все-таки не вполне человеческим — дьявольским или божественным, смотря на чьей стороне находился наблюдатель.

Однако в начале XVII века наметились первые признаки упадка. Средиземное море потеряло первостепенное значение в международной торговле и политике, исламский мир, казалось, впал в спячку. Народы Запада были разобщены и враждовали между собой, но именно эти дрязги толкали европейские страны на путь прогресса. В османском, то есть исламском, мире все победы были уже одержаны, все споры пресечены; закон был написан раз и навсегда, и османам, исполненным самовлюбленной гордости, оставалось лишь упрямо хранить верность прошлому.

Следующие три века существования империи сопровождались предсказаниями ее неминуемого скорого конца, но она жила — дряхлая и обветшавшая, неповоротливая и насквозь коррумпированная. Она по-прежнему была удивительной страной — только теперь необычайным был ее упадок. «Государство сие превратилось в подобие старика, изъязвленного множеством болезней, которые приходят на смену юности и силе», — писал сэр Томас Роу в 1621 году. Изъязвленный старик, впрочем, пережил сэра Томаса на три сотни лет, а своих злейших врагов, Российскую и Габсбургскую империи — на целых четыре года. Только в 1878 году османы были изгнаны из Боснии; до 1882 года, пусть и номинально, османскому султану подчинялся Египет. Албания, лежащая на берегу Адриатического моря, в XV веке доставила пытавшимся усмирить ее османам больше хлопот, чем любая другая страна, однако и в 1909 году албанцы избирали депутатов в законодательное собрание, заседавшее в Константинополе.

Османская империя была исламским государством, хотя многие ее подданные не были мусульманами и никаких попыток обратить их в ислам не предпринималось. Она контролировала торговые пути между Востоком и Западом, но сама не слишком интересовалась торговлей. Все считали ее империей турок, а между тем большинство ее сановников и военачальников, равно как и солдаты лучших частей ее армии, были балканскими славянами. Церемониал был византийским, титулы — персидскими, письменность — арабской, а богатство обеспечивал Египет. Современники не считали османов строителями, хотя один суровый великий визирь и прославился тем, что по-

строил больше церквей, чем Юстиниан. У османов не было никаких рецептов улучшения сельского хозяйства, но при этом на завоеванных ими европейских землях сельскохозяйственное производство резко возрастало. Они в большинстве своем не были религиозными фанатиками, придерживались умеренной ханифитской школы суннитского ислама. Султаны читали жизнеописания Александра Македонского, но не особенно интересовались прошлым¹. Однако Мехмед Завоеватель был примером для молодого Ивана Грозного, а венецианцы, которых всегда интересовало, как устроена жизнь в разных землях, восхищались разработанной Мехмедом системой государственного управления, находя ее идеально стройной и сбалансированной.

Империя намного пережила эпоху своего великолетия. К тому времени как Наполеон высадился в Египте, мир считал ее такой же слабой, как Испания, такой же обветшавшей под мишурой древней пышности, как Венеция. Талантами империя не скудела, но им не удавалось найти столь же блестящее применение, как в былые времена. Ее лучшими моряками были греки, самыми успешными коммерсантами — армяне. Ее солдаты, прославленные повсюду своей храбростью, находились под никудышным командованием. Государственные деятели работали в невыносимой атмосфере постоянной подозрительности. И все же империя дожила до XX века, хотя у нее не было ни белых скал Дувра, которые защищали бы ее, как Англию, ни общего языка, который мог бы сплотить ее, как Францию. В отличие от Испании Османская империя никогда не была предана иллюзиям религиозной чистоты, она не открыла ни американского золота, ни выгод атлантической торговли, ни паровой машины. В последние годы ее существования османы предпочитали переговоры принятию решений, традиции — новшествам и бесстрастное понимание устройства мира — всему тому, что было живого и прогрессивного на Западе.

¹ Посмертная слава, разумеется, их интересовала. При Мехмеде IV (1648–1687) состоял придворный историограф по имени Абди. «Султан всегда держал его при себе, поручив составлять анналы своего правления. Однажды вечером Магомет [то есть Мехмед] спросил Абди: «О чем ты написал сегодня?» Тот неосторожно ответил, что ничего примечательного, о чем стоило бы написать, в тот день не произошло. Тогда султан схватил копьё и метнул его в одного зазевавшегося придворного, сильно ранив последнего, и воскликнул: «Ну вот, теперь тебе будет о чем написать!» (Э. Криси).

Пролог

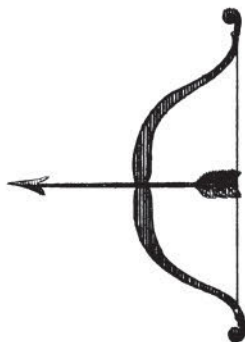
Никогда, по всей видимости, процесс падения могущественной державы не освещался так подробно его свидетелями. Крымская кампания 1856 года, в которой Турция в союзе с Британией и Францией противостояла России, была первой в истории войной, на которую европейские газеты отправили своих корреспондентов. Царь Николай назвал Османскую империю «больным человеком Европы». Англичане Викторианской эпохи говорили о ней, используя безличный термин «восточный вопрос», и ответ на этот вопрос, само собой, призван был дать мускулистый джентльмен-христианин. Для многих европейцев, что вполне естественно, бывшая причина страха превратилась в предмет любопытства и даже восхищения, ибо кто же мог отрицать красоту застывшего в прошлом общества? Художники обнаружили, что их зарисовки из жизни Леванта пользуются большим спросом. В XIX веке империя предприняла отважную попытку перестроить свою жизнь по западным образцам, чтобы, как многие верили, воспользоваться наконец могуществом западной магии; однако это усилие ее и доконало — слишком слабым к тому времени стало ее сердце.

В конце представления Карагёза кладут в гроб и хоронят, но, когда свет за экраном-простыней уже готов погаснуть, он сталкивает крышку, выпрыгивает из гроба и усаживается на него, покатываясь со смеху. Армянин-кукловод тушит лампу. Музыканты, сыграв громоподобное крещендо, убирают свои инструменты. Юноши-черкесы, еще недавно разносившие закуски, теперь обходят посетителей, собирая монетки, а маленькие внучки пашей, хихикавшие во время непристойных диалогов, пробираются к выходу.

Старый степенный кукловод, чьими руками творилось удивительное представление, известное под названием «История Османской империи», убирает кукол и уходит, оставив только экран — холмы и равнины Балканского полуострова, плоскогорья и берега Анатолии, священные города Мекку и Медину, пески Египта, степи Венгрии и серые, серые воды Босфора, что бьются о сваи Галатского моста.

ЧАСТЬ I

*Изгибы
и арабески*

1

Истоки

Великая евразийская степь, покрытая травами и низкорослым кустарником, простирается от границ Китая до берегов Черного моря. На севере ее сменяют хвойные леса и вечная мерзлота, на юге она окаймлена преимущественно пустынями. Со степной травой тяжело справиться земледельцу, да и погода здесь слишком изменчива для того, чтобы заниматься земледелием. Крупных рек практически нет, а в последние полвека, после того как советская власть взялась распахивать степи тракторами, стали пересыхать и те, что есть, так что Каспийское море — огромный, не имеющий выхода в мировой океан соленый водоем, своего рода отражение безводной степи в воде — начало отступать.

Обитатели степей кочуют, перегоняя с места на место свои стада, живут в шатрах и передвигаются на коренастых выносливых лошадях, этих степных тюркских пони (кстати, именно здесь в третьем тысячелетии до нашей эры человек впервые приручил лошадь). Эти люди, которых в совокупности называют тюрками, разделяются на племена. За последние столетия благодаря силе и хитрости соседних государств территория их расселения ужалась; расцвет же их могущества пришелся на XI век.

В годы засухи, когда оседлые крестьяне, как правило, гибнут от голода в своих деревнях, кочевники пытаются спастись, перебравшись на другое место, так что именно климатическими изменениями, ско-

рее всего, объясняется тот факт, что из степей на соседние земли, населенные оседлыми народами, время от времени устремляются орды воинственных кочевников.

Отголоски стихийных бедствий волнами расходились по океану трав: нередко степные народы обрушивались на земледельцев не потому, что сами страдали от голода, а потому, что были изгнаны с собственных земель другими, дальними степняками. Именно так в VIII веке тюрки были вытолкнуты на запад, где сначала, проникнув сквозь проход в горных цепях, известный под названием Трансоксания, столкнулись с густонаселенными империями персов и арабов, а затем начали продвигаться дальше — то просачиваясь сквозь границы небольшими отрядами, то устраивая массовые переселения; в попадавшихся на их пути государствах они нанимались на военную службу и порой захватывали власть.

И вот на земли, где стоят старинные крепости с колодцами, базарами, куполами, минаретами и лимонными рощами, где ученые мужи обсуждают теологические вопросы, стершиеся, как галька, от бесконечных словопрений, въезжают тюрки на лошадях под расшитыми седлами, со стременами, похожими на металлические галоши. Лошади эти, жилистые и коротконогие, так умны и пользуются такой любовью своих хозяев, что сразу и не скажешь, кто это кочует: то ли люди верхом на лошадях, то ли лошади, везущие людей. «Народ Высокой Порты, — объявил в 1775 году один османский сановник русским, — хорошо знаком с конем и седлом весьма и весьма долгое время». Бунчук — конский хвост, используемый в качестве штандарта, был у турок символом власти. Турки знали, как научить лошадь ржать по команде или зубами поднимать с земли упавшую саблю и передавать ее всаднику. Они красили конские хвосты в красный цвет, лечили раны лошадей корой каштана и признавали за ними право на достойное погребение. Конь мог стяжать настоящую славу, как, например, Каравулык, Черный Волк, чей быстрый бег спас юного Селима, будущего султана, после неудачного мятежа 1505 года. Турок на несущейся галопом лошади мог метнуть копьё с такой силой, что оно пробивало лист железа. Турецкие всадники умели, обернувшись назад, стрелять из лука по движущейся мишени со скоростью три стрелы в секунду и с величайшей меткостью: даже в XIX веке, когда турецкий султан носил сюртук и говорил на вполне сносном французском, он, как рассказывают, однажды на спор попал стрелой с расстояния семьсот с лишним метров между расставленных ног скептически настроенного американского посла.

«Ислам, — сказал в одном из своих эссе Эссад-бей, — это пустыня». В отличие от двух других великих монотеистических религий, иудаизма и христианства, в исламе нет священнослужителей. Кочевник может раствориться в пустыне или степи на многие недели, но всемогущий и всевидящий Бог следует за ним: пять раз в день следует очищать свои мысли, мыть руки и взывать к Всевышнему. Ислам — мощный помощник в борьбе с неопределенностью и переменами, незаменимое подспорье для людей, которые не знают, где и с кем они будут завтра. Заповеди ислама строги и недвусмысленны. Нет бога, кроме Аллаха, и Мухаммед — пророк Его. Пять раз в день необходимо совершать молитву. Пить вино и есть свинину запрещено. Необходимо отдавать часть своего богатства бедным. Правверный должен неустанно бороться с неверием, однако мирными средствами — если только его не вынуждают братья за оружие. Коран — не священное писание, а ниспосланный Богом закон, — и пусть ему не грозят словесные выкрутасы священников, зато он служит предметом пристального изучения и диспутов улемы — исламских правоведов, которые истолковывают смысл изложенных в Коране предписаний.

Ислам возник и окреп в боях. Конечно, всегда были и крестьяне-мусульмане — люди, которым некуда податься и которые делают то, что им велят. Для османов они, равно как и христиане Балканского полуострова, были особым предметом попечения, беззащитными земляпашцами, *райей*, то есть стадом, которым всадники призваны управлять. Гений ислама жил в горожанах и кочевниках, людях куда более подвижных и менее предсказуемых, в глубине души презирающих крестьянскую жизнь. Ислам распространяли по городам Ближнего Востока торговые караваны и завоеватели, которые называли себя *гази*, воинами за веру. Расстояния их не пугали. В VII веке они вышли из Аравии и обрушились на северное побережье Африки, дошли до Великой степи и раскинули шатер ислама, Дома мира, от Геркулесовых столпов до пустынь Ирана, превратив Средиземное море в исламское озеро.

Однако мало-помалу их порыв угас. Дух *гази* начал слабеть. Ислам остепенился, потерял отчасти свою былую энергию, но обрел притягательное обаяние, породив мусульманские цивилизации Персии, Египта и Испании, где ученые и правоведы возвысились над воинами, где журчала в фонтанах вода и шелестели страницы старинных книг. Яростная одержимость и простота первых мусульман уступила место утонченным беседам между знатоками божественного откровения и толкователями Аристотеля. В XII столетии в Дом мира вторглись

христиане-крестоносцы, так что Палестина и даже Иерусалим были на время потеряны; норманны, они же викинги, ослабили господство мусульман в Средиземноморье; блеск мавританской Испании, испытывающей давление Реконкисты, уже начал тускнеть. Впрочем, изначальное исламское единство под властью одного халифа уже было нарушено расколом на суннитов и шиитов. В результате Дом мира раздирали кровопролитные войны, сражались в которых не те, кто вел спор, а армии обращенных в рабство степных кочевников-тюрок.

И все же тяга к бесконечному движению, свойственная исламу, не иссякала. Тянулись от одного мусульманского города к другому вереницы караванов, везущие мешки с пряностями и золотом, шелк и мех: большинство предметов роскоши развозили по известному тогда миру торговцы-мусульмане. Существовало удивительное явление, называемое хаджем, — паломничество к святым городам Мекке и Медине, которое надлежит совершить каждому правоверному; ежегодно огромные толпы мужчин и женщин пускались в путь по безводным пустыням Аравии. Ислам чтит путешественников. Вот и Ибн-Батута, ученый муж из Марокко, совершив в 1329 году хадж, не остановился на этом, а добрался до Иерусалима и затем пустился в путь по Анатолии, где ему предстояло своими глазами увидеть изрядное количество «турецких правителей», которые утверждали господство ислама на этих суровых приграничных землях.

Среди турок ислам, казалось, обрел свой изначальный напор. Ибн-Батута назвал Орхана, сына Османа, величайшим из правителей Анатолии — и оказался провидцем, ибо в тридцатые годы XIV века владения Орхана были не такими уж большими. Захватывая новые города, Орхан, как то и подобает мусульманскому правителю, строил мечети и учреждал медресе, однако лето, по словам старого марокканца, проводил в шатре, постоянно переезжая с места на место, от одного прекрасного замка к другому, — его энергия казалась пришельцу из тех мест, где ислам успел одряхлеть, удивительно кипучей, варварской и притягательной.

Покинув степи в IX веке, кочевники поступили на службу к Аббасидам — багдадским халифам, которые обратили их в ислам. Научившись у персов искусству управлять государством, некоторые из них основали на Ближнем Востоке свои собственные империи. Однако другие погнали свои табуны и отары дальше; они с презрением относились к искусству управления, к оседлой жизни и к идее налогообложения.

Государства Ближнего Востока только рады были от них отделаться, ибо кочевники опасны для крестьян, а крестьяне платят налоги.

В носорожью голову Малой Азии их увлек упадок Византийской империи, которая отступала, словно вода во время отлива. После битвы при Манцикерте (Малазгирте) византийские границы стали мягкими и податливыми, как йогурт, который так любили кочевники. В XIII веке их гнал вперед страх перед монголами, опустошавшими все земли, по которым проходили. Но чем бы ни было вызвано продвижение турок, двигались они в одном направлении — на запад.

К концу XIII века они достигли восточных берегов Эгейского моря. За спиной у них остались многочисленные мелкие эмираты, которые возникли и окрепли благодаря священной войне с Византией, но затем, когда линия фронта отодвинулась, отвыкли от войны, отказались от кочевого образа жизни, перешли к земледелию и стали взимать с подданных налоги. Эти маленькие государства выталкивали новопривывших кочевников дальше на запад не менее усердно, чем большие империи в глубине континента, так что война с неверными постоянно подпитывалась свежей кровью. Самые отважные стали строить корабли, обзаводились пеньковыми канатами и абордажными саблями и продолжали священную войну на Эгейском море. Война эта казалась скромной по масштабам, зато добыча была велика: новоявленные пираты грабили торговые корабли христиан и совершали набеги на побережья Греции и Фракии.

В начале XIV века новый натиск на Византию возглавил Осман из Вифинии. Он правил крошечным государством и носил самый низший титул из принятых у турок — бей, однако владения его находились на самом краю осыпающейся Византийской державы — на самом острие меча ислама, вблизи православного города Бурса, откуда рукой было подать до Мраморного моря. Стоило Осману одержать первые победы, как под его начало стали стекаться желающие воевать: кочевники-скотоводы, искатели приключений, суфии, неудачники, безземельные крестьяне, беглецы: люди, уставшие от неразберихи, сопровождавшей упадок византийской власти, семьи, спасающиеся от жестокости монголов, и воины, которым наскучила леность своих эмиров. Даже греки из пограничных войск, которые византийские правители не баловали попечением, переходили на сторону победителей. Все эти люди составили силу, совершенно несоразмерную

ничтожным владениям Османа, предопределив тем самым судьбу его потомков: владеть двумя морями, двумя континентами и священными городами ислама.

Сам Осман, как то диктовали законы суровой демократии пограничья, был всего лишь первым среди равных. Его происхождение темно. Вопрос о том, какие права были у него на земли, которыми он владел, окружен мифами; он не подчинялся номинальному монгольскому правителю Анатолии. В скудных исторических источниках того времени упоминаются родственники Османа: братья, родные и двоюродные, дяди и сыновья, которые, по турецкой традиции, отчасти разделяли с ним его расплывчатую власть. Осман проводил лето в шатре, дружил с греками, поощрял смешанные браки. Он вставал при звуках военной музыки, как впоследствии делали его дети и их далекие правнуки — из уважения, как говорили, к памяти исчезнувших владык, сельджукских султанов, чья распадающаяся империя была сметена с лица земли монголами. Последний из них, жалкий и безвластный, скончался при жизни Османа, и никто из современников не позаботился даже записать дату его смерти. Осман кормил своих последователей даром и каждому из них, как говорят, дарил чашу, следуя обычаю *футув* — похожих на рыцарские ордена братств, которые в ту эпоху связывали Анатолию в единое целое. Он обещал своим воинам богатые трофеи и пышные пастбища и легко ввязывался в распри, к которым далеко не всегда имел непосредственное отношение; а по ночам ему порой снились необычные сны, подтверждавшие его право на власть. Шафером на свадьбе Османа был грек из пограничного войска, Михаил Остробородый, который однажды спас ему жизнь; что же до невесты, то ею была дочь местного духовного авторитета, шейха Эдебали.

По всей видимости, это был брак по любви, но благодаря ему Осман также стал причастен к той духовной энергии, которая озаряла приграничье в XIV веке. Соприкасаясь в своем продвижении на запад с мусульманскими цивилизациями Ближнего Востока, турки усвоили ислам в самой примитивной его разновидности, примешав к нему степные обычаи анимизма и шаманизма.

В приграничье, далеко от великих центров исламской традиции, необычного и еретического было в избытке, и неудивительно, что религия здесь носила яркий отпечаток своеобразия и была пропитана бунтарским духом. Здешним жителям, народу простому и су-

ровому, чьи женщины не закрывали лиц, нравились святые люди, умеющие дать отпор изворотливым интеллектуалам старых городов. По душе им были скитальцы и бродяги, резкие слова и дикие нравы да сумасшедшие, чьи несвязные речи считались пламенными посланиями самого Бога, и оттого, разумеется, трудными для понимания¹.

Осмону выпала роль превратить гностические словеса святых людей, или *баба*, как называли их турки, в план действий, который должен был обеспечить его подданным лучшие пастбища и богатую военную добычу — иначе он так и остался бы не более чем воином, пользующимся авторитетом среди других воинов.

Богородношенные секты, боевые братства и дервишские ордена устанавливали правила поведения, благодаря которым на территориях, где власть (как, например, власть Османа) была слаба, поддерживался некоторый порядок. Эти объединения так до конца и не исчезли, какой бы ортодоксальной и авторитарной ни выглядела империя в дальнейшем. Некоторые из них обрели официальный статус, как, например, дервишский орден Бекташи, нашедший последователей среди янычар, которые пили вино и не заставляли своих женщин закрывать лица; для многих христиан бекташи сделали переход в ислам более легким. Другие, как орден Мелами, подвергались суровым гонениям за то, что проповедовали презрение к иллюзиям материального мира². В целом же предметом интереса всех этих братств была тайна жизни и божественная сущность изменений — так оно обычно и бывает в приграничных землях. «Все сущее находится в процессе творения и разрушения, — писал мистик Бедреддин. — Нет ни «сейчас», ни «потом», все совершается в единое мгновение». Сам Бедреддин отказался от успешной карьеры на ниве традиционного ислама ради эзотерического хаоса приграничья, где

¹ Долгое время спустя после того, как приграничные земли стали частью империи, а та, в свою очередь, превратилась в почтенного защитника веры, единодушное и яростное осуждение мулл вызывали синкретические стихи Мысри-эфенди. Но это не мешало продаваться книге его сочинений, которой было предпослано следующее предупреждение: «Шейх-уль-ислам предал эти стихи огню и издал фетву: всякий, кто верует так, как Мысри-эфенди, и высказывает те же мысли, что и он, должен быть сожжен, за исключением лишь самого Мысри-эфенди, ибо нельзя осудить фетвой впавшего в исступление».

² Одно из анархистски настроенных ответвлений ордена Байрами ушло в подполье, устраивало тайные суды и держало тайные тюрьмы.

стал великим духовным учителем, славившим здешний дух мятежной свободы. Многих, в том числе и христиан, ему удалось убедить в том, что он — Махди, исламский мессия, чей приход знаменует близость конца света. Османам, которые к тому времени уже создали империю, это не могло прийти по вкусу, и в 1416 году они повесили его на дереве в Македонии.

Как же так получилось, что этих людей, презирающих власть и уверенных в победе, кочующих туда-сюда со своими овцами, семьями и шатрами, ждал такой великий успех? Это может показаться игрой слепой судьбы, случайной прихотью истории. Самые первые турецкие историки объясняли возвышение своего народа величием, присущим туркам от рождения, и могли доказать, что Осман был потомком Ноя в пятьдесят втором поколении¹. Как тут не вспомнить старое изречение о том, что кочевников безотчетно влечет вслед заходящему солнцу! Мехмед II полагал, что непрерывные победы его предков — результат самоотверженности людей, которые «относятся к своему телу так, будто оно принадлежит кому-то другому, и не обращают внимания на боль и опасность». Это убеждение разделяли и его собственные войска, готовившиеся к великой осаде Константинополя. По мнению Гиббона, успехи османов были следствием слабости изнеженных греков. Во время Первой мировой войны один англичанин высказал мысль о том, что первые османы в большинстве своем, собственно, и были греками, и османские завоевания, следовательно, были чем-то вроде итальянского *рисорджименто* или по крайней мере неким преобразованием Византии. Турецкий ученый, читавший в двадцатые годы лекции в Париже, опроверг это утверждение как вздорное и заявил, что все поголовно османы были чистой воды турками, причем исключительно из кочевых племен. В тридцатые его немецкий коллега поднял вопрос о *гази* — воинах за веру, для которых война была наполнена в первую очередь мистическим смыслом. В доказательство своей правоты немец приводил одно весьма древнее стихотворение и древнюю же надпись на стене мечети в Бурсе: «Орхан, сын Османа, гази и султан гази, властитель земель, простирающихся до горизонта, повелитель всего мира». Ар-

¹ Попытки доказать родство в тридцати шести поколениях были признаны неубедительными.

Истоки

хеологи объявили надпись благонамеренной подделкой, сделанной позже, чем предполагал немец. Однако разве не любовь к вере и не гордость знанием истины видится нам в стремительном движении всадников? Ислам сжал степные расстояния, утвердив единого Бога и провозгласив единый закон. Когда гази начали свой победоносный путь по Европе, их вождю оставалось лишь сесть верхом на скакуна, чтобы стать властителем бескрайних горизонтов, — ибо не было будущего, кроме того, что сошлось в единое мгновение, и окончательная победа ислама была реальностью, с которой миру оставалось лишь поравняться.

2

Балканы

В двадцатые-девяностые годы XIV века османы волной прошли по обмелевшим заводям византийской власти: от Бурсы до Никеи и через Дарданеллы — в Европу, к болгарскому Пловдиву, что в долине Марицы, к Варне на берегу Черного моря, к Коринфскому перешейку; взяли Ниш, ключ к Северным Балканам, и достигли Дуная, главной реки Центральной Европы. Они продвигались так стремительно, и таким неожиданным был их бросок, что хронисты его проглядели: нам не известно ни одной точной даты сражений вплоть до 15 июня 1389 года, когда османы разбили сербов на Косовом поле.

Юго-Восточная Европа, обитель православия, ждала завоевателя. Более тысячи лет Византийская империя со столицей в Константинополе правила половиной известного мира, утверждая от Равенны до Евфрата христианскую религию, римское право и греческую культуру. Византия создавала облик Балкан: выделяла земли для венгров и болгар, наблюдала, как исчезают бесследно печенеги, половцы и авары, диктовала условия славянским племенам, принимала их на свою службу, привязывала к себе православием и учила читать и писать, а когда те становились чересчур заносчивыми, преподавала им совсем другие уроки.

В 1056 году долго копившаяся вражда между римским папой и императором Востока привела к окончательному расколу — схизме, которая разделяет православную и католическую церковь по сей день. Со вре-

менем неприязнь лишь усиливалась. В конце концов Константинополь был разграблен крестоносцами во время Четвертого крестового похода — шли они, как водится, в Святую землю, но венецианцы, давнишние соперники Византии, убедили их слегка свернуть с пути. В Пасху 1204 года пьяные рыцари, забрызганные кровью христиан, посадили обозную девку на патриарший трон в Святой Софии и водили вокруг нее хоровод. Все погбло, ни следа не осталось от былой роскоши и блеска, что были притчей во языцех; исчезли богатства, накопленные за тысячу лет цивилизации, войн и благочестия: святые мощи увезли во Францию и Флоренцию, святые иконы поглотил огонь, бесценные пожертвования и творения искусных ювелиров украсили диадемы маркиз из Западной Европы. Драгоценные камни древних корон и золотые изделия, созданные в так называемые Темные века; священные реликвии, принадлежавшие спутникам Христа, а также пряди их волос и кусочки зубов; перо архангела Гавриила, которое тот обронил во время Благовещения; ковчег Завета и завеса храма Иерусалимского; цепи апостола Петра, гвозди, которыми был сколочен животворящий Крест Господень, и частицы древа его; трубы, сокрушившие стены Иерихона, — все, все было утрачено. В пламени погбло бесчисленное множество книг, и оттого умножилось в мире сомнение и больше стало загадок. Порядок был нарушен, авторитет поколеблен. Удача покинула империю вместе со знаменитыми бронзовыми конями, что тысячу лет украшали Ипподром, а теперь рассекали копытами влажный венецианский воздух на площади Сан-Марко, далеко за морем.

Шестьдесят лет Константинополь был латинским городом. Представители одной из ветвей византийского императорского дома, Комнины, нашли прибежище в Трапезунде, на берегу Черного моря, где окрепли благодаря торговле с итальянцами и продержались с их помощью несколько столетий. Другие потомки императоров, Палеологи, выжидали удобного момента в Никее. В 1267 году, вернувшись в Константинополь, они обнаружили город наполовину лежащим в руинах; что же до бывшей территории империи, то она была потеряна навсегда. Ею владела пестрая компания французских феодалов, венецианских и генуэзских наместников и князьков из местных. Сам город был защищен мощными стенами, православие было восстановлено в правах, правитель Константинополя, как встарь, носил титул императора римлян — но бывшее богатство исчезло, и Византия уже не внушала соседям того священного трепета, который в прежние

времена лежал в основе дипломатических успехов империи. Тысячелетний слой древнего мифа, что дорожке листового золота, был безжалостно содран.

Теперь Константинополю оставалось только гнить заживо. Итальянцы из Венеции, Генуи и Флоренции использовали город в качестве перевалочного пункта на пути в Причерноморье, где вели выгоднейшую торговлю. Они жили на другом берегу Золотого Рога, в поселении, называвшемся Пера («его можно уподобить Саутуарку близ Лондона»), откуда могли наблюдать, ежели им было угодно, как сменяют один другого византийские императоры в круговерти мятежей и предательств, как подвергают они своих предшественников унижениям и выжигают им глаза.

Словом, Византийская империя пребывала не в самом подходящем состоянии для столкновения с турками. Бурса пала в 1327 году после десятилетия жизни в постоянном страхе, завершившегося кошмаром осады; после взятия города его улицы были завалены трупами. Никея, где в 325 году был сформулирован символ веры, сдалась в 1329-м; напрасно предшествующие пять лет ее жители вглядывались в горизонт, ожидая, не идет ли на помощь войско из столицы. Турки продвигались вперед с поразительной легкостью, — казалось, им помогает само Провидение. Мусульманское государство Кареси, измученное междоусобицей, не смогло оказать сопротивления и в 1344–1345 годах само упало в их руки, словно созревший плод, благодаря чему Орхан, сын и наследник Османа, овладел южным берегом Мраморного моря. Многие века там, где маленькое Мраморное море, переполненное изливающейся из Черного моря водой, устремляется сквозь узкий пролив в море Эгейское, на европейском берегу, на Галлиполийском полуострове, стояла крепость, охранявшая морской путь в Константинополь. Азию и Европу в этом месте разделяет узкий пролив Дарданеллы, который древние греки называли Геллеспонтом: здесь, согласно мифу, прекрасная Гелла, бежавшая от своей мачехи, не удержалась на спине злато-рунного барана и утонула. Византийские греки не раз приглашали турок помочь им в своих междоусобицах, так вышло и в 1354 году, когда прямо на европейском берегу пролива византийский регент поднял восстание против своего юного подопечного, императора. Мятежник — его звали Иоанн Кантакузин — обратился к Орхану, ближайшему турецкому бею, то есть военачальнику, с просьбой при-

слать войско на подмогу. Создается впечатление, будто османы, дойдя до Геллеспонта, могли лишь с вожделием взирать через пролив, пока византийцы сами не предложили перевезти их на другой берег.

Воины Орхана переправились из Малой Азии в Европу в 1354 году, и не успели они освоиться во Фракии, как в дело вновь вмешалась рука Провидения. Ночью 4 марта 1356 года на Галлиполийском полуострове произошло сильное землетрясение — как раз когда османское войско готовилось вернуться в Азию. Стены греческой крепости, охранявшей пролив, рухнули, словно опускающийся на колени верблюд; турки поспешили занять развалины, и с тех пор христианские корабли — генуэзские, венецианские и византийские — выстраивались в очередь, чтобы возить их с одного берега на другой и обратно.

Расхлебывать кашу, которую заварил Кантакузин, пришлось его наследникам. Во Фракию устремился поток мужчин, женщин, детей, дервишей, овец и лошадей. Летучие отряды турецких конников проникали в балканские долины, где их ждал рай скотовода: свежая вода, зеленая трава и тень раскидистых деревьев. Турецкие беи начали обустраиваться в своих фракийских поместьях, пока их предводитель из дома Османа был занят защитой своих земель в Малой Азии. Появлялись тут и там дервишские обитатели, турецкие крестьяне обзаводились хозяйством и пастбищами, и на протяжении жизни одного поколения Фракия превратилась в страну, населенную турками. Эдирне, греческий Адрианополь, главный город этой области, перешел в их руки в 1362 году.

Сменявшие друг друга византийские императоры предпринимали попытки заручиться западной помощью против надвигающейся турецкой угрозы и даже готовы были поступиться своими религиозными убеждениями, однако никто особенно не торопился им помогать, обещания переменить веру никогда не были по-настоящему искренними, да и для самих жителей Константинополя обставленные сложными условиями уступки, которые делал их император римскому папе, равным счетом ничего не значили — они просто не обращали на них внимания. В 1366 году, когда Кантакузин, ставший к тому времени императором Иоанном VI, возвращался из Буды, где безуспешно пытался уговорить венгерского короля Людовика Великого начать войну против турок, его захватили в плен болгары. Четыре года спустя, когда он объезжал западные города в надежде собрать деньги и войско для защиты империи, венецианцы посадили его в долговую яму. В 1356 году Орхан

пожелал жениться на его дочери — и пышная флотилия из тридцати кораблей отвезла Феодору к жениху-варвару — всего-то километров за сто от дома. Двадцать лет спустя, когда турки завоевали Македонию, византийцы приходили к ним и умоляли накормить.

Турки не были единственными претендентами на европейское наследство слабеющей Византии. Чем тусклее становился отблеск ее величия, тем выше поднимали голову военные вожди самого разного калибра, сдували пыль с древних горделивых титулов, столетия назад отнятых греками: хан, король, царь, воевода, бан, деспот. Они правили государствами столь же разномастными, как их титулы: от шатких империй до окруженных стенами городов. Все они плыли в русле мелеющей византийской цивилизации и подкрепляли свои притязания изрядными дозами вымысла. Незадолго до прихода турок Стефан Душан, король Великой Сербии, «император румелийцев и христоролюбивый царь Македонии», построил свою империю вдоль старинных торговых путей, соединявших Рагузу, Адрианополь, Белград и Салоники. Ублажая магнатов за счет крестьян, он объединял под своей властью их мелкие владения, однако его империя оказалась столь же непрочной, сколь надуманным был его титул. В 1356 году, повинувшись зову своей византийской мечты, Стефан выступил в поход на Константинополь, однако по пути умер, и созданная им Великая Сербия, просуществовавшая так недолго, но отбросившая такую длинную историческую тень, распалась на множество мелких владений и шесть княжеств покрупнее. Османы уничтожили два из них в 1371 году, когда впервые прорвались в долину Марицы. Ни в 1387 году под Нишем, ни в 1389-м на Косовом поле сербские военачальники не смогли остановить продвижение турок и предотвратить падение Сербии. Расколотое государство признало зависимость от османов, а в 1448-м потеряло последние остатки самостоятельности.

Болгары были увлечены гибельной мечтой о воссоздании своей империи XI века. Венгры, почуяв, что они сильнее, посадили в Болгарии своего бана, который продержался семь лет (притом что венгры оставались единственными серьезными соперниками османов за влияние в регионе до 1526 года). Один из пелопоннесских деспотов, одержимый большой фантазией, принялся строить в Мистре платоновское государство. Отряд ошалевших наемников из Каталонии возомнил, что может завоевать Анатолию. Повсюду бродили банды православных монахов, полагавших, что они могут проложить себе дорогу в рай с по-

мощью оружия и убийств. Османы беспристрастно смели с пути всю эту братию — и царей-философов, и рыцарей в доспехах, ибо османы воплощали свои мечты в жизнь здесь и сейчас, не выпуская меча из рук. «Не было ни государя, ни военачальника; не явилось никого, кто мог бы спасти свой народ. Храбрые сердца воинственных мужей обратились в сердца слабых женщин. Воистину, — писал один македонский монах, с отчаянием тем более искренним, что турки уже стояли у ворот Скопье, — воистину, живые завидовали мертвым».

Местные правители, слишком привыкшие полагаться на хитроумные интриги и переговоры, фатально недооценивали решимость османов в достижении поставленной цели, равно как и численность резерва, который те могли при необходимости перебросить через Геллеспонт. Балканские правители поначалу не имели ничего против турок, воспринимая их в первую очередь как потенциальных наемников (а те зачастую действительно становились наемниками), и не догадывались, что потомки Османа лелеют совсем другие, куда более честолюбивые планы. По мере продвижения турок балканские правители один за другим просили у них покровительства — и слишком поздно осознавали, что назад дороги нет. В 1372 году болгарский царь Шишман признал Мурада, сына Орхана, своим сюзереном, однако в 1388-м, ободренный победой короля Твртко над турецкой армией, явившейся захватить Боснию, отказался от клятвы верности. Не прошло и года, как Шишман был атакован, разбит и унижен; его лучшие войска были отправлены в Анатолию на войну с эмиратом Карамана (причем, как считается, именно в той войне турки впервые применили огнестрельное оружие). Через семь лет Шишмана казнили. (Его сын, впрочем, зла на турок не держал, принял ислам и был назначен наместником Самсуна, что на черноморском побережье Анатолии.)

Когда византийцы попросили вернуть им Галлиполи, сын Орхана Сулейман посетовал, что ислам, как ни жаль, не позволяет своим последователям отступать. Уверенность турок в своем превосходстве была заразной. Горожане спешили им навстречу с ключами от замков и крепостных стен. Солдаты, как мусульмане, так и христиане, просили принять их на службу в османскую армию. В 1393 году герцог Афинский (латинянин) обвинил православного митрополита в заговоре с целью сдать город туркам. В 1374 году честолюбивый сын византийского императора, став наместником Салоник, провозгласил